

— Дед, ты допил или нет? — Юрка от нетерпения притопнул, заглядывая под полуразобранный «Запорожец», в ремонтную яму, где Иван Георгиевич, весь в масле и какой-то чёрной смазке, подбулькивал в кружку.

— Торопись не спеша, — глотки, смачный крик, охихони, и белая с длинным горлышком бутылка всунута в авоську к жёлтым, коричневым и зелёным. — Бабка, что ль, торопит?

Юра поёжился. Пять минут назад баба Настя, словно заговорщица, пригнула голову и полушёпотом: «Иди в гараж, глянь: дед пьёт опять? Куда деваться от этих вопросов? Деда выдать? «Я хозяйка в доме! Должна всё знать, что происходит! Иди-ко погляди за этим балбесом!» У Юрки даже зубы заныли, так крепко сцепил. Выхватив из-под крыльца сетку с запасом стеклотары, виновато повесил голову и потащился...

А теперь буфетчица автовокзала дала за бутылки честную цену — завтра уже в них привезут «Буратино» и «Дюшес» местного разлива, хоть лимонад покупай, хоть томатный сок стаканами, а хоть бы... Хоть бы и в тир можно стонять, пошибать с ленты скрипящего транспортёра кружки мишеней.

— Я к Даниловым! — прокричал малой, выводя велосипед через дверцу ворот и прилаживая крюком засов.

А баб Таня и сманила на перрон станции, набрать на ужин горячих ещё курников...

С маслозавода привезли свежее мороженое. Немного. Да и то расхватывали почти мгновенно. Юра облизывал сливочную сладость, поглядывая на подходящий поезд. Вот уже с шипеньем и лязгом сработали тормоза. Пассажиры из Ори в Москву вывалили за сергиевским лимонадом, известным на всю железнодорожную линию, но — ох! ах! Сегодня в цехе напитков поломка. Ну-у-у-у, по такой жаре без питья! Но что ж делать, обратно по плацкартам...

Юра замер, не донеся полусъеденную мороженку до рта: вон та вон женщина в яркой с цветами блузке ухватила за поручень входа в тамбур свободными руками. Свободными. Но выходила-то она с запеленатым ребёнком.

— Мамаша! А где ребёночек ваш? — прокричал Юрец, удивляясь собственной наглости.

Кололо под сердцем, он кинулся в зал ожидания, навстрочу выходящим, протискался через ругавшихся... Пищащий и подрагивающий свёрток лежал на продавленном деревянном сиденье.

Пока всяческие невообразимые бабули горестно всплёскивали руками, Юрий Данилов, семи лет от роду, залетел на второй этаж линейного отдела милиции, звонок пошёл начальнику поезда и был транслирован на каждый вагон. Юра забежал в почтовое отделение, разогнав, словно самый взрослый, грузчиков, таскавших посылки, нашёл главного по смене, опять звонок, только что до командира Вселенной не добрался, но поздно. Женщины в цветастой блузке в поезде не было. А может, и была, только модных блузок не считать и не найти мать брошенной девчонки... Пискалявый клубок распеленали, подмыли, отёрли, кто-то из домов неподалёку принёс белую простыню, перепеленали — не проблема. На ручонке брошенки оказалась бирка: «Александра, 6 месяцев».

Сергиевка всё-таки райцентром была. И мехзавод с войны, двигатели тракторные собирали и танковые, тогда-то и маслозавод тебе, и элеватор для зерна с okayмлённых посадками полей, и на всю область известный интернат, в котором... В котором тоска и одиночество в школьных отрядах. Кто придумал выкрасить стены богадельни в унылый жёлтый цвет? Баба Таня служила в ней швейей, Настасья Юлиева — бухгалтером. Вот и ходил Юрка в малышовой отряд как домой. Вот и знал про каждый вздох Александры, да не то что знал — видел и впитывал. На лето, на каникулы, родители сбрасывали его на попечение своих «предков», и почти три летних месяца Юрец стал проводить с дедом Иваном плотно, «исключивно». Равовался природе, с которой дед Иван был на «ты, любимая». Наслаждался рыбалкой, грибничеством, сбором смородины и тёрна на продажу. Банки земляничного варенья своего сбора носил Александре и её отряду. Наловленных с дядь Витей раков варил с какими-то хитрыми дедовыми травами, головоногих с пылу с жару раскупали на перроне и автовокзале.

Начальник отдела по работе с подростками пару раз возмутился: в нашем социалистическом

государстве учите сызмала торговать? Юра принёс в райотдел письмо от директрисы интерната. Нач, краснее Юркиных раков, промямлил:
— Вон чего... Ты ещё, гляди, крёстным отцом ей станешь...
— Может, и стану,—серьёзно ответил малец.— Только я в Бога не верую.

Какой там Бог! Юрка ни одной передачи «Хочу всё знать!» не пропустил, пока дед в дневную жару отсыпался—разезды по лескам и степи были в сумерках, когда прохладно, когда нет перегрева ни сердцу, ни мотору латаного автомобиля. Даже в «Что? Где? Когда?» послал собственного сочинения вопрос: «Почему каникулы назвали именно так?» Вопрос прозвучал, да только не за авторством мальчугана из Ори, а непонятного типа даже без фотографии. Юра три дня не мог говорить.

Поймали его на привычном месте ловли раков. Трое на мопедах пропылили от Сергиевки вслед за одиноким велосипедистом—дядя Витя застрял на работе в аэропорту Ори, какая-то перестройка началась, что это значило, Юра с глухим недовольством не мог понять, пока Виктор Андреевич не объяснил: «Скоро можно будет, Юрец, раков не по речным обрывам искать, а выращивать! Представляешь? Возьму тебя помощником в кооператив, своей Сашуле приданое соберёшь!..» Били его остервенело, приговаривая:

— Ты извращенец, что ли,—на девчонку смотреть ходишь? Она знать не знает, что у ней хахаль великорослый, передачи таскает. Чего приучаешь? Будешь теперь нам половину приносить!

«Дан,—прошепталось в звеневшей от побоев голове, пока Юрий прикладывал к синякам холодную грелку и компресс из бодяги.—Даново племя».

— Баб Настя, кто такой Дан? В Библии твоей про него есть?

— Ой, сынок, Библию даже не трогай. Как говорят? Один читал, да с ума сошёл.

— И что? Один сошёл, другие же изучают!

— А что ты спрашиваешь?

— Тётя Света, которая музыке учит, Данова, она наша родственница?

— А тебе что за забота?

— Ну, мужа у неё нет. Может, приютит Сашеньку? Дед на той неделе дудку вырезал из тростника, я ей отнёс. Она так щёки надувает, а в глазах смешинки...

— Э-э-эх, Юрка! Ну ладно, деток любить никому не грех. Схожу к Дановой.

Баба Настя молчала. Качала головой, смахивала слезинки, на растопыренных пальцах держала блюдце, дуя на чай с молоком. Юра ждал, ждал, ждал, сердце колошматилось, не выдержал:

— Ну? Возьмёт?

— Судьба-то какая у ней, у Светы вашей!

Юра слушал рассказ, и звенело в ушах, и под сердцем—пропасть пустоты, от ужаса сердца сжалось в комочек: всё ясно, чуть ли не тронутая училка-то, но...

— Давно мечтаю о дочке, говорит.

Потекло из глаз, и Юрка прошептал:

— Саша Данова, Богом данная, дай ей, Господи, материнскую ласку!

Насчёт фермы по выращиванию раков дядя Витя не соврал.

— Ну что, Юр, в Сергиевку поедешь на лето?

Юрец потрогал пушок над губой:

— Готовиться надо к Бауманке. Просто так из Ори её штурмом не возьмёшь.

Деревня забылась.

Рубашка-то чёрная шёлковая с похорон бабы Насти осталась. Мать приказала её не носить, оставить на траурные дни, деды-то совсем квёлые стали, но Юра надел—Цой же во всём чёрном ходил, и ничего! Пионерский галстук, ещё алый, перевернул треугольником вперёд, языками назад—под воротник пошло, крас-с-ное-е-е-н-на ч-чёр-р-рном! Первое, что услышал на неформальной бирже, куда заявились с большим плакатом «Ищем клавишника»:

— Алисоман?

Ну, ещё бы...

Зато второй подошедший, ткнув пальцем Юрке на шею, спросил иное:

— Пионер?

— А ты им не был?

— А не поздно группу собирать? Сколько тебе, двадцать один?

И зашумели разбившиеся на группки, кто возле гитары, кто вокруг фарцовщиков с пластинками, кто возле торговца со значками и нашивками:

— Клавиши, клавиши, клавиши, вон те ждут, смотри.

Долговязый остроносый парень, широко улыбаясь, подошёл:

— Привет, Орг. Странно? Не, зовут Георгием, а кликуха—квартирники организую. Вы, надеюсь, не ментовские засланцы? Не дружина? Не повинтят меня?

Шли пешком от парка у вокзала в Белую Степь в сумерках и всё говорили, говорили... О чём песни пишем? О любви и о смерти. О смерти от любви и любви после смерти. А вот это знаешь? А вот это слышал?

— Да, хороший вопрос,—посерьёзней Юра.—Зачем это всё, всё это творчество—это вопрос вопросов. У кого как, а у меня—всё это как Зов. Её, одну, зову. Одна в бесконечности космоса, так ярко горящая, что сердце в этой бездне горит как

звезда. И слияние звёзд. Такое яркое и чистое, что от него рождается новая галактика.

— Поэт! — восхищённо прошептал Орг. — Нет, серьёзно, наши всё про пиво и танцы пишут, энергия, задор такой, а зачем? А у тебя видишь что...

— Юр, — басист Миха тронул его под локоть, — а не рано думать об одной на всю жизнь?

Что-то зазвенело в ушах таким знакомым гулом...

Они уже входили в лифт Оргова подъезда, и он спросил ещё:

— Одна навсегда — Вселенная её подарила или... Бог?

— Я что-то пока в Бога не верую, — нехотя пробормотал Юрий Данилов, двадцать один год, удивлённо прислушиваясь: звон в ушах стал высоким девичьим голосом, дверь открылась, они сбросили обувь, тапки, у нас полы холодные, перелив фоно, знакомьтесь, моя сеструха, вот её рекомендую на клавиши.

Что-то просмеяла мама Света, удивлённо смотрел на Юрку Георгий, проговаривая: «Godfather — отец в Боге», — а рука на груди готова была вынуть сердце, вынуть навстречу хрустальному голосу Саши:

— Здравствуй, крёстный.